
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОСТИ

Глуховцев В. О., Салахова А. И.*

В статье анализируются глобальные проблемы современного мира и их исторические предпосылки, сделан вывод: современная европогенная цивилизация пребывает в системном кризисе, имеющем кардинальной причиной устаревшую онтологию, фундаментальные постулаты которой сформированы в XVI–XVII вв. (авторы называют эту картину мира «Гераклитовой антропокосмологией»). Разрешение кризиса видится в идее неогеоцентризма, изменяющей онтологический ранг планеты Земля во Вселенной и раскрывающей пространственно-временной потенциал биосферы и человека.

Ключевые слова: европогенное общество, антропокосмос, технокарнавал, техномагия, цивилизационный перегрев, неогеоцентризм, «белое окно», суперойкумена.

The paper analyzes the global issues of contemporary world and their historical preconditions; the authors conclude that modern “europogenic” civilization exists under a systemic crisis whose main cause is the obsolete ontology with its basic postulates being formed in the sixteenth and seventeenth centuries (the authors call this worldview a “Heraclite’s antropocosmology”). To settle the crisis the authors propose the idea of neogeocentrism which in their view can change the ontological ranking of the Earth in the Universe and to reveal the spatial and temporal potential of biosphere and human.

Keywords: europogene society, antropocosmos, technocarnival, technomagic, civilization overheating, neogeocentrism, “white window”, superoecumene.

Слово «кризис» в обиходе современного человека заняло привычно пугающее место. Говорить о кризисе экономическом стало уже общим местом; политологи рассуждают о призраках Третьей мировой войны; исследователи современной культуры толкуют о ее вялости и деградации, о симулякрах и отсутствии смыслов. И следует признать, что эти разговоры возникли не на пустом месте. Есть улавливаемое многими ощущение перепутья. Мы – человечество – шли и шли долгим, трудным путем, пришли куда-то, а куда – не знаем.

И дело не в экономике и политике – они лишь признаки, симптомы более глубокого разлада, постигшего большую часть человеческой общности. Дело в разладе человека с реальностью, которую он в значительной степени создал сам. Поэтому выход необходимо искать в самом человеке, в коренной мировоззренческой трансформации [Чумаков 2008: 88–95].

* Глуховцев Всеволод Олегович – доцент кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: shestvossem@mail.ru.

Салахова Алия Илгизаровна – студентка магистратуры Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: aliya-86@mail.ru.

Разумеется, всякий общекультурный декаданс связан с распадом устоявшейся картины мира и отсутствием новой, адекватной как социальным, так и биосферным – отметим это! – реалиям. Вот и сейчас, очевидно, наблюдается деструкция парадигмы, некогда придавшей обществу невиданный прежде взрывной темп развития, зачаровавший многих самыми что ни на есть прагматическими преимуществами.

Речь идет об идеологеме прогресса, самым краеугольным из основ которой не меньше четырех столетий: они сформированы квартетом великих (Коперник – Галилей – Декарт – Ньютон), причем особенная роль принадлежит двум первым.

Что позволяет нам утверждать это сегодня, зная о неклассической и даже постнеклассической науке? То, что наш космос – это все же антропокосмос [Урсул 2012: 17–32], это система, определяющая прежде всего место человека в мире, а потом уже все остальное.

Во-первых, положи руку на сердце, спросим: «Каким боком проблемы теории поля и квантовой механики касаются жизни рядового гражданина наших дней?» «Да никаким!» – вот честный ответ. Зато классическая механика преследует его на каждом шагу. Но главное даже не в этом.

Во-вторых (и это главное), если бы даже постнеклассическая наука вошла в привычный быт, то все равно это не вызвало бы такого грандиозного переворота в мировоззрении, как идеи Коперника и Галилея. Наверное, это непросто представить, но давайте попробуем: мы пытаемся втолковать средневековому европейцу, что планета Земля мчится в космическом просторе вокруг Солнца по такой-то орбите... и т. д. И, разумеется, в глазах этого человека выйдим сумасшедшими, даже если не брать в расчет его религиозные взгляды. Ведь повседневный опыт и здравый смысл убеждают его, что окружающий мир – нерушимая земная твердь, бескрайние просторы, а над всем этим раскинут полог неба с объектами, исполняющими служебные по отношению к человеку и Земле функции: Солнцем, Луной, звездами... Они дают нам свет, тепло, воду, урожай, а также помогают ориентироваться в пространстве – это совершенно ясно, поскольку подтверждается изо дня в день практикой в отличие от нелепых, ни с чем не сообразных фантазий о летающей Земле, которые непонятно как могли взбрести в голову.

Признаемся: мы сознательно обострили эту сценку. Мы хотели, чтобы читатель как можно глубже прочувствовал, какой невероятный душевный перелом должен был пережить европогенный мир, чтобы из человека XVI столетия, убежденного в том, что он и Земля пребывают в центре мироздания, получился человек XVIII в., знающий, что его Земля – самая рядовая планета, наряду с другими вращающаяся вокруг Солнца! А он сам никакой не «столп бытия», а мелкое брэнное существо в огромной Вселенной... И давайте сравним эту коллизию с ближайшей к нам: чем мы в онтологическом плане отличаемся от людей XIX столетия? Да, разумеется, между нами лежит XX в., бурная эпоха, но общепринятое место человека осталось тем же. «Безумные идеи», усложнив структуру физического космоса посредством черных дыр, темных энергий и материй, никак не изменили самой сердцевины онтологии – позиции и значимости человека в мире. В этом смысле современных школьников учат ровно тому же, чему учили гимназистов сто пятьдесят лет назад: в практически бесконечном пространстве Вселенной, среди практически бесчисленного множества планет и звезд затеряна одна

ничтожно малая планета Земля, населенная совсем уж микроскопическими во вселенском масштабе существами, среди которых и мы с вами – люди.

Конечно, на уроках астрономии нет места этическим императивам; но вот онтологически что есть, то есть: современные учителя разъясняют детям именно такую схему космоса, в которой наша жизнь не стоит ничего.

А потом ученики выходят из кабинета астрономии и идут на уроки литературы, обществознания, где им говорят об абсолютно противоположном: что человек – это звучит гордо, а человеческая жизнь – величайшая ценность, права человека священны, и вообще, человек – суть вершина эволюции Вселенной.

И возникает закономерный вопрос: а как же одно согласуется с другим – ничтожество планеты Земля вместе со всеми населяющими ее людьми в научной картине мира и человек как наивысшая ценность бытия в картине гуманитарно-социальной?

А никак не согласуется.

По правде говоря, это должно было быть ясно с самого начала – с отказа от геоцентризма и появления новой физики Галилея. Ведь оба этих концепта делали человеческий мир куда более шатким и тревожным по сравнению с прежним! И мы готовы разъяснить, почему так происходит.

Если с гипотезой Коперника все ясно как на ладони (Земля перестает быть центром мироздания, следовательно, человек автоматически понижается в онтологическом ранге), то с идеями Галилея дело обстоит не столь очевидно, но тем интереснее в них разобраться. Постараемся сделать это как можно более популярно.

Представим самое наглядное физическое тело: шар на столе. В каких состояниях может пребывать этот шар? Наверняка и сейчас, номинально владея знанием классической механики в объеме школьного курса, наш усредненный современник обратится не к ней, а к примитивному здравому смыслу и скажет, что таких состояний может быть два: шар либо движется, либо не движется, и этим ответом он отошлет себя к Аристотелю, на ветхих умозрениях которого и покоилась догалилеева физика. Он действительно считал, что материальные тела могут находиться в двух состояниях: покоя или движения.

Галилей увидел эту проблему иначе.

Он уловил тонкость, ранее никем не замеченную: движение бывает различным. Есть движение с постоянной скоростью, а есть с переменной (с ускорением или торможением). И эти два вида движения принципиально различны: в первом случае тело будет теоретически двигаться сколь угодно долго с неизменной скоростью, а во втором будет ускоряться, опять же теоретически разгоняясь до немыслимо бешеной скорости; согласитесь, очень разные картины! Таким образом, существуют не два, а три состояния тела: неподвижность ($V = 0$), инертное движение ($V = constanta$) и изменчивое движение ($V = variativ$).

Но Галилей на этом не остановился.

Он задался следующим вопросом: а какая, собственно, разница между V_0 и V_{const} ? И ответил: принципиально – никакой. Ведь неподвижность (покой) есть всего лишь частный случай движения с постоянной скоростью: она равна нулю, только и всего. Прежний расклад: всякое тело либо покоится, либо движется – Галилей заменил аксиомой: всякое тело движется либо с постоянной скоростью,

либо с переменной. Иначе говоря, если метода Аристотеля не видела разницы между V_{const} и V_{var} , то Галилей отменил различие между V_0 и V_{const} (рис. 1).

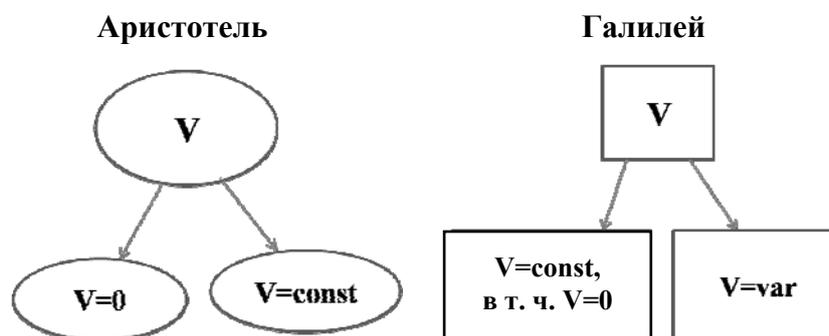

Рис. 1. Методика классификации движения физических тел в концепциях Аристотеля и Галилея

Надо ли долго объяснять, какой колоссальный слом в мировосприятии означал этот маленький мысленный шаг, наверняка не замеченный почти никем, да и после-то, как мы видим, мало кем замечаемый?! Но это был первый камешек, вызвавший лавину. Ведь противопоставление идеи Галилея Аристотелевым воззрениям, в сущности, не что иное, как противопоставление «текучести» Гераклита постоянству элеатов – во всяком случае, в Платоновой интерпретации. А это кардинальная оппозиция. Мироздание элеатов – прочная основа бытия под внешней шелухой изменений, его базовый принцип – «бесчисленно изменяясь по мелочам, мир не меняется в главном». Ну а Вселенная Гераклита – «все течет, все меняется», ни центра, ни иерархической системности у нее нет, это стихия роковых сил и случайностей.

И если в жизни большинства современников Коперника и Галилея не было места выдумкам умников-одиночек, то, разумеется, нашлось меньшинство, которое прекрасно распознало возможные последствия. Церкви, как Римская, так протестантские, в лице теологически и философски образованных элит безошибочно уловили, что означает в метафизическом смысле переход от геоцентризма и стабильности универсума к принципиальным ацентризму и бесконечной изменчивости космоса, иначе – от Ксенофана и Парменида к Гераклиту. Это не что иное, как распад мировоззренческой целостности, этически и эстетически совершенной системы, где Бог, бессмертие, человек и Вселенная составляют живую гармонию, на сомнительный набор противоречащих один другому тезисов, чье практическое суммарное использование закономерно ведет к постепенной хаотизации душевного, а вслед за ним и социального мира.

Меньше всего нам хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление: мы, авторы, стремимся доказать, что курс, выбранный европогенным человечеством после грандиозного мировоззренческого и социального переворота XVI–XVII вв., стал трагической ошибкой, одним из величайших заблуждений в истории. Вовсе нет! «Гераклитова» интерпретация космоса придала невиданный динамизм научной мысли – не в обиходном, но в сугубо специальном смысле, когда расплывчатое слово «наука» строго понимается как «эмпирико-логическое моде-

лирование». Оно оказалось чрезвычайно эффективной методой освоения рассеянных в природе сил, о чем человечество всегда мечтало: посредством, например, магии. И «Гераклитова» космопарадигма с ее подвижностью, изменчивостью, принципиальным отсутствием покоя, очевидно, оказалась превосходной базой для создания теоретических моделей эмпирической реальности, а те, в свою очередь, привели к созданию устройств, чрезвычайно усиливших операционные возможности человека.

Конечно, мы говорим о научно-техническом прогрессе (далее НТП). В чем его цель? Мы считаем, в дополнении человеческого организма искусственными энергоконцентрирующими конструктами, предназначенными для максимального расширения и развития функционального пространства организма и обеспечения ему максимального комфорта. Что представляет собой, скажем, автомобиль, увиденный с данной точки зрения? Вот мы садимся на сиденье, захлопываем дверцу, кладем руки на руль, ставим ноги на педали... то есть, собственно, «надеваем» автомобиль на себя как некий технокостюм с целью быстрого и комфортного перемещения. А можно взглянуть и иначе: «надев» автомобиль, мы временно превращаем себя в кентавра! А что такое в этом случае боевой самолет?.. Ясно что: другое техноодеяние, облекшись в которое, пилот временно превращает себя в дракона, способного снести с лица земли целый город.

Вряд ли мы погрешим против сути дела, если скажем так: сциентический и технологический динамизм делает жизнь сказкой, технокарнавалом, где люди в зависимости от обстановки наряжаются в разные технокостюмы – и все это благодаря «Гераклитовым» новациям Коперника и Галилея. В свое время европейцы первыми ухватились за это, а за ними устремились и прочие, видя, какую огромную силу обретают технически развитые страны. Мы полагаем, что середина XIX в. – историческая точка, когда преимущества технокультуры стали социально зримыми. Более того, они стали необходимы политически.

Конечно, войны всех времен и народов так или иначе техногенны – и в древности ухитрялись изобрести оригинальные боевые машины. Но примерно полтора-два столетия назад техническое вооружение, являющееся, в свою очередь, следствием научного и промышленного потенциала державы, стало одним из решающих факторов военной победы.

Австро-прусская война 1866 г., Франко-прусская война 1870–1871 гг. самым рельефным образом подчеркнули первостепенность прогресса как фактора решения геополитических задач. Тогда-то и началась колоссальная гонка вооружений, в сущности, продолжающаяся и по сей день. Существует точка зрения, согласно которой вообще весь научно-технический прогресс последних столетий продиктован военными целями [Бугера 2002: 62–64]; данное мнение является не бесспорным, но и не беспочвенным. Действительно, государства прежде всего стимулировали совершенствование военных технологий, но те «локомотивом» тянули за собой и гражданские технологии: научно-технические достижения предопределяли экономический рост.

Если в первой половине XIX в. это угадывали отдельные мыслители, то во второй его половине прогресс сделался модным трендом среди интеллектуалов, а заря XX в. стала временем, когда индустриальная продукция лавиной хлынула в массы населения европогенных стран. Мир словно по волшебству наполнился автомобилями, самолетами, радио, телефонами, кинематографом. Практически

ничего из вышеперечисленного не было, к примеру, в 1890 г., но все это стало вполне обыденным в 1913 г. А научные открытия той поры: работы Эйнштейна, Пуанкаре, Беккереля, еще неведомые широким слоям населения, – обещали понимающим людям куда более дивные творения и перемены бытия.

В историографии, особенно французской, сложилось устойчивое определение предвоенного двадцатилетия как «прекрасной эпохи» – *la belle époque* [Winock 2002]. Бесспорно, столь лестная характеристика возникла по контрасту с тем, что произошло после; да и тогда, в *la belle époque*, по правде говоря, жизнь европейского простолюдина была такова, что нам, людям XXI в., она показалась бы нищей, жуткой – так что скорее это горькое послевкусие несбывшихся надежд. Но сами-то надежды возникли не на пустом месте. Так почему было не предположить в недалеком будущем новую счастливую жизнь, полную рукотворных чудес?..

То, что могло вскружить голову рядовым интеллектуалам, не затмевало трезвого взора мудрецов. В самый разгар восхищения наукой звучали голоса, предупреждавшие о дисбалансе в картине мира, причем говорилось не просто об отдельных недочетах, но о роковом рассогласовании мировоззренческих подсистем. Осознание своего «Я» в качестве центра Вселенной, а этико-аксиологической проблематики как ключевой сферы мировоззрения является самой сутью человека, этот фундаментальный антропоцентризм сохранялся и в Новое время постольку, поскольку люди оставались людьми, до поры до времени уживаясь с Гераклитовой космологией, ибо она как никакая другая сумела функционально усовершенствовать человечество, но вместе с тем и потребовала снизить его онтологический ранг. Вот это самое требование и оказалось «миной замедленного действия»: в самом деле, если в Средневековье космос, в сущности, был синонимом Земли, живой и при всех демонологических поверьях в целом доброжелательной к человеку ойкумены, то начиная с системы Коперника год за годом мир в массовом сознании неизбежно менялся в сторону отсутствия порядка и относительного уменьшения обитаемого пространства. И вот человек, живущий во второй половине XIX в., осилив школьный курс, знает, что его Земля – крохотная одинокая планета в мрачной, темной, мертвой бесконечности, именуемой космосом.

Повторим: до поры до времени европогенное человечество обходилось без обострения мировоззренческих проблем. Кто-то их попросту не осознавал, предпочитая быть пользователем роста материальных благ, кто-то согласился с собственной «онтологической дисквалификацией», признав, что он, человек, – суть тленная мелочь в равнодушной необъятности... Во втором случае картина мира, пожалуй, выглядит последовательной. И таковой картине случалось быть модной и востребованной. Но, разумеется, естественный антропоцентризм большинства людей делает невозможным ее безраздельное утверждение.

Отрадно сознавать, что в отечественной философской традиции данное проблемное поле оказалось глубоко осмыслено в эру прогрессистских восторгов и упоений, когда от мыслителя требовались и прозорливость, и нравственная смелость – не побояться выглядеть белой вороной, ретроградом, неспособным понять путь развития общества, представляющийся магистральным. Квинтэссенция критического отношения классиков русской мысли к современному им идейному мейнстриму, пожалуй, будет выглядеть следующим образом.

Прогресс науки и технологий вскружил голову человечеству, и оно не замечает опасности мировоззренческого расстройтва. Но отдельные люди начинают чувствовать нечто неладное в несовпадении самоощущения личности (как основного мировоззренческого пункта) и стремительных индустриально-экономических изменений – ведь человек не может не видеть, как в неудержимо растущих городах, в этих новых Вавилонах, он со всем своим уникальным духовным миром никому не нужен и вся его личность – не более чем социально-биологический атом, одна из неисчислимо таких же единиц с никому не нужными духовными мирами... К чему ведет все это? К душевным расстройствам человеко-атомов, а от этого прямой путь к социальным потрясениям.

Предсказания оказались горько-пророческими. Когда сегодня изучаешь историю начала Первой мировой войны, то никак не можешь отделаться от мысли, что тогдашние земные владыки попросту не представляли, во что они втягивают мир [Оськин 2014; Хейстингс 2014]. Они, видимо, вообразить себе не могли, что такое техногенно-эшелонированная война, предпосылки которой к 1914 г. уже созрели... И человечество «провалилось» в тридцать лет несчастья.

По сути дела, нужно признать: практически вся первая половина XX столетия (1914–1945 гг.) стала единым суперкризисом человечества с элементами катастрофы. В нем были периоды обострения, ремиссии, но в целом «темное» тридцатилетие явилось глобальной деструкцией, важнейшие вехи которой таковы:

- Первая мировая война;
- революция и Гражданская война в России;
- ужасная и загадочная пандемия гриппа (так называемая «испанка») 1918–1919 гг.;
- Великая депрессия 1929–1933 гг.;
- фашизм (нацизм);
- Вторая мировая война.

Сложно говорить о понесенных в этих событиях человеческих утратах. По грубым подсчетам, они (убитые, пропавшие без вести, пострадавшее гражданское население, умершие от ран, голода, болезней, безнадежные инвалиды...) могут быть оценены примерно в 170–180 миллионов человек [Вербицкая 2010: 488–523; Рудкевич, Глуховцев 2011]; вместе с виртуальными демографическими потерями (нерожденные потомки погибших) это дает еще более трагическую картину [Капица 2008: 128–143], притом что население Земли в 1914 г. составляло около 1,8 млрд человек.

Разумеется, уже после Первой мировой войны перед человечеством встал вопрос: как такое могло случиться? И, конечно, философия не могла не искать ответов на этот вопрос [Сартр 2013; Шпенглер 2006]. Но опять же, при взгляде из дня нынешнего нам упорно кажется, что эти поиски и ответы (равно как и вспыхнувшая в те годы заря «новой науки») не затронули взбаламученные массы, ударившиеся в жуткие идейные химеры. Мы осмелились бы сказать так: двадцатилетний «интербеллум» (1919–1939 гг.) стал для потрясенного европогенного человечества временем социальной шизофрении, породившей бредовые контркультурные проекты. Наверное, это и не могло закончиться иначе, нежели повторным обострением, срывом из ремиссионной фазы в катастрофическую, о которой долго говорить незачем.

Ну а что же НТП?.. А для него эти годы стали «золотым веком», прежде всего для милитаризма. И Вторая мировая война стала страшным апофеозом, столкнувшим в беспощадных схватках технологизированные Левиафаны великих держав.

В какой-то степени Вторая мировая война, особенно наглядная демонстрация возможностей ядерного оружия, образумила человечество. Но мир не сумел выйти из ситуации геополитической вражды, почти на всю вторую половину XX столетия погрузившись в состояние холодной войны – долгий шлейф катастрофы. Ядерные, космические, информационные технологии – все это инновации того времени, порожденные прежде всего требованиями обороноспособности противостоящих государств. Однако не забудем: при всех тревогах, мелких стычках и даже локальных конфликтах наступила все же в целом мирная жизнь, и прогресс наряду с техногенными обрел куда более заметные экономические очертания.

В свою очередь этот рост явился насущно необходимой стратегией государственного менеджмента: если власть окружает гражданина все более изысканной искусственной средой обитания, то это является наилучшей гарантией лояльности со стороны граждан, обеспечивающей социальную стабильность. Поэтому, разумеется, идеологические службы стран – участниц холодной войны постарались отработать этот пропагандистский материал по максимуму. В сущности, они не придумали ничего нового, просто многократно усилили информационную нагрузку на население, посредством СМИ усердно отождествляя термин «прогресс» с бесконечным ростом и удовлетворением потребностей индивида как существа материалистического. Очень характерно, что данная концепция действовала, по сути, одинаково в обеих враждующих идеологических системах. Одна из них говорила о «демократии, процветании и свободном рынке», другая – о «всемерном росте благосостояния советского народа»... впрочем, для нашего повествования это не так существенно. Гораздо важнее обратить внимание на другое обстоятельство, а именно: темпы НТП достигли пика примерно к 1970–1975 гг., после чего заметно притормозились. В самом деле, если сравнить современные ядерные реакторы, космические корабли, самолеты, автомобили, огнестрельное оружие с аналогичными изделиями сорокалетней давности, то какие принципиальные отличия мы обнаружим? По правде говоря, никаких. Да, спору нет, сегодняшние, скажем, автомобили несколько более комфортны, более напичканы всяческими «опциями» и «гаджетами», но ведь это сугубо второстепенно. Более того, попытки усовершенствования некоторых технических систем натолкнулись на непреодолимые препятствия в виде ненадежности данных систем, чрезмерной сложности в управлении и чудовищного энергопотребления. Вот пример: сверхзвуковая гражданская авиация, реализовавшаяся в двух проектах, – советском Ту-144 и франко-английском Concorde. И та и другая машины оказались склонными к аварийности, требовали исключительно сложного дорогостоящего технического и диспетчерского обслуживания и потребляли немислимое количество топлива. В результате от обоих проектов вынуждены были отказаться, и сегодня – более чем через сорок лет! – пассажиры летают на менее «продвинутых», но более надежных самолетах.

Повторим: к 70-м гг. XX в. НТП достиг практически потолка, за которым эволюция искусственных конструкций становится бессмысленной, нивелируясь человеческим фактором. Говоря техническим языком, оператор *Homo sapiens*, бу-

дучи физиологически ограниченным в объеме памяти, процедуре принятия решений, скорости мышечных движений, способен удовлетворительно справляться лишь с «технокостюмами» ограниченной сложности, и предел этой сложности был практически достигнут 40–45 лет тому назад.

Разумеется, мы не забыли о том, что одна техническая отрасль сделала за последние почти полвека огромный рывок – сфера информатики и связи. Это вызвало к жизни теорему о переходе от индустриального общества к информационному (постиндустриальному), однако мы полагаем, что «переход» здесь не самый удачный термин. Ведь промышленность никуда не делась, подобно тому как в XIX столетии формируемое индустриальное общество не отменяло аграрного, а наслаивалось на него; вот и в наши дни информационная, или «постиндустриальная», социальная подсистема наслаивается и на индустриальную, и на сельскохозяйственную, которые, в свою очередь, существуют и сейчас. То есть общественная эволюция не столько отменяет прежнее, сколько усложняет настоящее и будущее – отметим это как реперный тезис, равно как и упоминание о прогрессе информационных технологий. Мы к этому вернемся.

Итак, реалии холодной войны требовали от оппонирующих геополитических блоков интенсивного НТП и роста материального потребления граждан, в чем, как известно, более преуспел западный блок, а мы были вынуждены признать поражение... Затем последовал недолгий период вздорной эйфории, восклицания о «конце истории» [Фукуяма 2007], но с приходом XXI в. история властно напомнила о себе, и европогенное общество обнаружило себя в бушующем мире, где нет места эпикурейскому благодущию.

И вот тут-то оказалось, что «интеллектуальному штабу» этого общества нечего предложить своим гражданам в качестве адекватно ориентированной в этом самом бушующем мире парадигмы. Столетие (1914–2014 гг.), обрушившее на человечество сначала мегакризис, затем долгий «хвост кометы» в виде холодной войны, после чего еще на два десятка лет протянулись невразумительные идейные метания [Бодрийяр 2013; Лиотар 1998], завершилось, и мы, очнувшись, увидели себя на мировоззренческих руинах XIX в. В качестве модели поведения людям предлагается все тот же самый обветшалый «прогресс», понимаемый как бесконечный рост эмпирических удовольствий. «Потребляй и развлекайся!» – таков девиз, неформально царящий сегодня в массах.

Бесконечный бег за суррогатами счастья вынужденно используется как рецепт социальной стабильности, однако властители мира сего, полагая, отчетливо видят порочный круг, в котором оказались их общества: социальная стабильность обеспечивается ростом потребления и телесных удовольствий, который не безграничен, а массам до того дела нет – они привыкли, что социально-экономическая среда постоянно делает их быт комфортнее; к этому все привыкают мгновенно, а отвыкать никто не хочет. И власть прекрасно понимает, что снижение уровня материальной жизни чревато не просто неприятностями – это может означать конец ее самой. Поэтому она вынуждена стимулировать данный процесс, стараясь не представлять себе, чем это может закончиться.

Ограниченность материальных запасов Земли – тема, разумеется, далеко не новая [Форрестер 2006; Гвишиани 2002] и глубоко дискуссионная; можно указать на противоположные точки зрения. До рубежа 2000 г. население нашей планеты росло с постоянно увеличивающейся скоростью. Тогда многим казалось, что де-

мографический взрыв, перенаселение и неминуемое истощение ресурсов и резервов природы приведут человечество к катастрофе. Однако в 2000 г., когда население мира достигло 6 млрд человек, а темпы прироста населения – своего максимума (86 млн в год, или 240 тыс. человек в сутки), скорость роста начала уменьшаться (см. рис. 2). Для оценок населения Земли в предвидимом будущем результаты моделирования можно сравнить с расчетами Международного института прикладного системного анализа (IIASA), ООН и других организаций. Прогноз ООН основан на обобщении ряда сценариев рождаемости и смертности по девяти регионам и доведен до 2150 г. По оптимальному сценарию население Земли к этому времени выйдет на постоянный предел в 11 600 млн, и по среднему варианту Популяционного отдела ООН к 2300 г. ожидается население в 9 млрд [Капица 2008: 128–143].

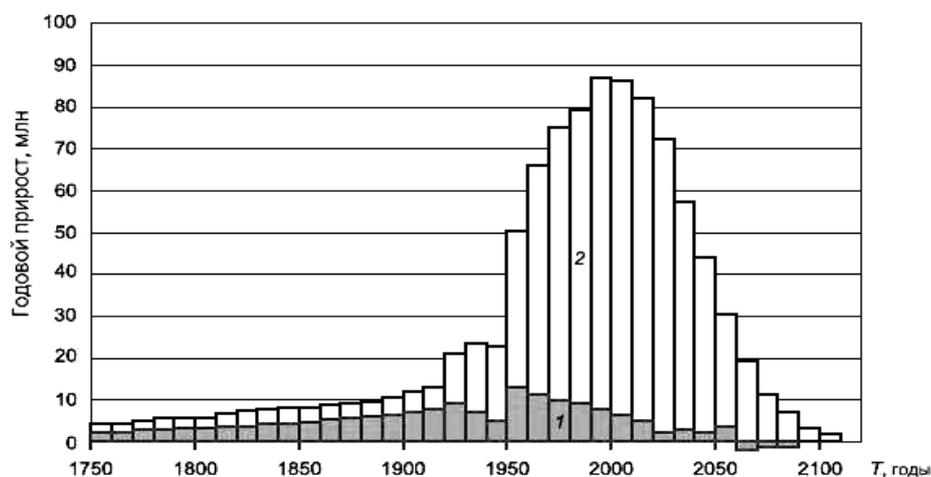

Рис. 2. Мировой демографический переход 1750–2100 гг. (данные ООН). Годовой прирост, усредненный за декады:
1 – развитые страны; 2 – развивающиеся страны

И та и другая стороны по-своему правы, однако мы считаем, что поиск резервов энергопотребления человечества при всей необходимости не решает проблему как таковую, поскольку энергопотребление каждого индивида продолжает расти, а ресурсы планеты остаются прежними; очевидно, что современное человечество угодило в ситуацию «цивилизационного перегрева», из которой пока не может выбраться. Повторим: степень критичности данной ситуации – вопрос оспариваемый, но в самом ее наличии сомневаться не приходится. Разумеется, кризисные явления, пока не фатально, но тревожно встряхивающие современный мир, выглядят свидетельством того, что разбухшие потребительские объемы начинают упираться в ограниченность земной биосферы.

Нижеследующий тезис представляет собой исключительно авторское умозрение, но мы полагаем, что оно зиждется на солидном аналитическом фундаменте [Капица 2008: 128–143; Комлева 2012: 28–34]. Исследовательский взгляд на происходящее в современной большой политике приводит к размышлениям о том,

что глобальный лидерский альянс, не видя кардинальных решений преодоления упомянутого «перегрева», пытается реализовать два паллиативных:

- осторожное, негласное снижение уровня материального потребления для периферийной части «привилегированного человечества» («мягкий проект»);
- организация локальных управляемых конфликтов, в которых некоторое количество потенциальных потребителей уничтожается физически, а некоторое доводится до состояния потребительского минимума, ибо в условиях войны людям не до комфорта – уцелеть бы («жесткий проект» для тех, кому не посчастливилось быть причисленными к избранным).

Вот мы и подошли к ключевому тезису о невозможности решения глобальных проблем современности с сохраняющейся по старинке онтологической частью мировоззрения. Мы утверждаем: основная причина сегодняшней растерянности европогенного человечества, отчетливого чувства планетарного перепутья – отработанность «Гераклитовой» модели мироздания, ее важнейших принципов ацентризма и перманентной текучести. В проблематике периодизации всемирной истории серьезной поддержкой пользуется мысль о том, что 1914 г. – граница, где Новое время закончилось, началось Новейшее [Хобсбаум 2004]. У нас нет причин спорить с этой точкой зрения. Разразившаяся над человечеством буря и ее остаточные явления отложили решение этой коллизии на сто лет, только и всего. Сегодня мы вплотную стоим перед необходимостью решить данную проблему.

Между прочим, отметим, что неклассическая наука являет собой один из ранних симптомов назревших перемен, ведь ее появление (едва ли не год в год) совпадает с рождением Новейшего времени. Выше мы говорили, что масштаб вызванных ею движений в обществе несопоставим с тем, что вызвали в свое время инновации Коперника и Галилея, и не думаем от этих слов отказываться. Но у нас нет сомнений в том, что концептуально и методологически наука XX в. отличается от «классики» – не революционно, но существенно, – и это может быть расценено как первое предвестие грядущей мировоззренческой революции.

И самое, на наш взгляд, существенное: многие годы доминанты «Гераклитовой» космологии, разумеется, не могли не привести к мысли о множественности планет, подобных Земле, то есть обладающих биосферой и, возможно, населенных разумными существами. В самом деле, если закономерности эволюции на Земле приводят к возникновению жизни и человека, то по справедливой аналогии эти закономерности, действуя примерно одинаково во всей лишенной центра «броуновской» Вселенной, должны порождать гипотетически великое множество биосферизированных планет. Эта мысль высказывалась в том числе в солидных академических изданиях [Большой... 1999], а уж для популярной литературы и вовсе была хлебом насущным.

Так это выглядело в теории. А на практике за столетия наблюдений внеземного космоса и за более чем полвека космических полетов нам, землянам, так и не удалось обнаружить всерьез ни малейшего присутствия жизни за пределами родной биосферы. Тем самым все отмеченные выше несообразности сегодняшней устарелой онтологии, в сущности, сводятся к одной чудовищной нелепости: в бескрайнем темном, мертвом пространстве космоса «болтается» одинокая, совершенно ни на что не похожая крохотная планета, возникшая непонятно зачем.

Ясно, что идеология прогресса, переродившаяся в идеологию потребления, изжила себя, превратилась в ветхое одеяние, из которого современный европогенный мир давно вырос, хотя и продолжает кутаться в ее лохмотья за неимением иного. Необходим поиск радикально новой мировоззренческой парадигмы с иной онтологической основой. Мы полагаем, что этот поиск упорно возвращает нас к Парменидовой идее разумного постоянства, то есть к отчетливой структуре с явно выраженным центром, составляющим основу мироздания, в котором, разумеется, присутствует и изменчивость, являющаяся, однако, вторичным качеством бытия.

Итак, мы постулируем резкое отличие биосферы Земли от прочего пространства-времени. Полагаем существенно важным указать на эстетический аспект этого отличия. Опция переживания прекрасного, исходно встроенная в *Homo sapiens*, безошибочно определяет непревзойденной красоту земных ландшафтов, включая и небеса с идеально рассеянным в них солнечным, лунным и звездным светом. Какой в этом кроется смысл?.. А такой, что категория, на языке обыденности обозначаемая как «красота», есть индикатор уровня системной организации пространства-времени; этот индикатор указывает на то, что наивысшим в наблюдаемом мире качеством обладает пространственно-временная форма, привычно-повседневно именуемая нами как «жизнь».

Это приводит нас к «неогеоцентризму», к осознанию того, что Земля действительно может быть признана центром мироздания – не как физическое тело, но как средоточие повышенной пространственно-временной квалификации. Биосфера суть ценностный антипод «черных дыр» мертвого космоса – «белое окно», если угодно, потенциальный выход в неведомую нам еще суперойкумену, живую экосферу. И человечеству надо искать новый подход к своей планете, которую мы, видимо, пока толком не знаем. Равно как не очень ведаем и о себе, о своих внутренних резервах. У авторов есть некоторые основания предполагать, что отчасти упомянутые тенденции последних десятилетий как бы сами собой подталкивают человечество в этом направлении:

а) приостановившийся к 70-м гг. XX в. прогресс технокостюмов, увеличивающих физическую мощь человека, – и явный рывок в области «интеллектуальных» технологий, формирование постоянной информационной реальности, некоторым образом дополнительного измерения пространства-времени [Юдин 2008: 146–155; Гуревич 2010: 139–154];

б) весьма активная фаза эволюции генетики, генной инженерии – вообще дисциплин, в сумме претендующих быть практической антропологией (ПА). Если «классический» НТП был направлен на создание конструкторов, прикрепляемых к человеческому телу снаружи, то ПА может быть нацелена на раскрытие потенциала, доселе дремлющего в самом человеческом организме [Бехтерева 2007];

в) в области психологии постепенное приближение к идее единого психического пространства человечества [Юнг 2013];

г) идея ноосферы как солидарного бытия человека и Земли [Режабек 2008: 159–167], поиск инновационных подходов к проблеме цивилизационно-биосферной синергии [Камуселла 2015].

Все это ведет к необходимости серьезного осознания и раскрытия пространственно-временного потенциала биосферы и человека [Аствацатуров, Базилаиа 2009: 71–81]. Онтология неогеоцентризма естественным образом повлечет за со-

бой и этико-аксиологическую свежесть. Если человек найдет в себе силы совершить кардинальную переоценку ценностей, то перед ним откроется широкое поле возможностей для решения тех проблем, которые проявились в современном нам обществе.

Литература

Аствацатуров А. Е., Базилаиа М. А. Глобализация и начало космогармонии // Век глобализации. 2009. № 2(4). С. 71–80.

Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. 2-е изд., перераб. и доп. М. : АСТ; СПб. : Сова, 2007.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула : Тульский полиграфист, 2013.

Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М.: Большая Российская Энциклопедия; СПб. : Норинт, 1999.

Бугера В. Либеральные и авторитарные общества: прошлое, настоящее, будущее // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2002. № 3. С. 62–64.

Вербицкая О. М. Демографические процессы в годы войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Гриф и К, 2010. С. 488–523.

Гвишиани Д. М. Пределы роста – первый доклад Римскому клубу // Биосфера. 2002. № 2.

Гуревич П. С. Кибернавт как символ глобального мира // Век глобализации. 2010. № 2(6). С. 139–154.

Камуселла Т. Что мы изучаем, изучая мир? // Век глобализации. 2015. № 1(15). С. 52–65.

Капица С. П. Демографическая революция и Россия // Век глобализации. 2008. № 1. С. 128–143.

Комлева Н. А. Презэмптивная война как технология ресурсного передела мира // Пространство и время. 2012. № 2(8). С. 28–34.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб. : Алетейя, 1998.

Оськин М. В. История Первой мировой войны. М. : Вече, 2014.

Режабек Б. Г. Учение В. И. Вернадского о Ноосфере и поиск пути выхода из глобальных кризисов // Век глобализации. 2008. № 1. С. 159–167.

Рудкевич Е. Ю., Глуховцев В. О. Глобальный кризис современного мира и поиск новых мировоззренческих парадигм. Уфа : Вагант, 2011.

Сартр Ж. П. Тошнота. М. : АСТ, 2013.

Урсул А. Д. Космоглобалистика: генезис и направления исследований // Век глобализации. 2012. № 2(10). С. 17–31.

Форрестер Д. Мировая динамика. М. : АСТ, 2006.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ, 2007.

Хейстингс М. Первая мировая война. М. : АНФ, 2014.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Краткий двадцатый век. 1914–1991. М. : Независимая газета, 2004.

Чумаков А. Н. Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций // Век глобализации. 2008. № 2. С. 88–94.

Шпенглер О. Закат Европы. М. : Попурри, 2006.

Юдин Б. Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы // Век глобализации. 2008. № 2. С. 146–154.

Юнг К. Структура психики и архетипы. М. : Канон+, 2013.

Winock M. La belle époque. La France de 1900 a 1914. Paris : Perrin, 2002.